тельнымъ устройство общественныхъ подваловъ при помощи казны, не предрѣшая формы этой помощи. Предложеніе ходатайствовать о томъ, чтобы ссуды подъ вино выдавались Государственнымъ банкомъ не только виноградовладѣльцамъ и винодѣламъ, но и виноторговцамъ, отклонено. Затѣмъ общее собраніе утвердило извѣстное уже нашимъ читателямъ постановленіе VI секціи по вопросамъ о церковномъ винѣ.

20-го февраля, въ 2 часа дня, состоялось послѣднее общее собраніе съѣзда, на которомъ разсматривались резолюціи III секціи по вопросамъ фальсификаціи винограднаго вина. Предсѣдательствовалъ кн. П. Н. Трубецкой.

Горячіе дебаты вызвалъ второй пунктъ резолюцій, по которому напитокъ, получаемый путемъ спиртового броженія винограднаго сока, называется *винограднымъ виномъ*, если онъ содержитъ въ себѣ примѣси винограднаго спирта или сгущеннаго винограднаго сусла. Проф. *А. Е. Голубевъ* предложилъ передать для подробной разработки въ московскій комитетъ виноградарей и винодѣловъ какъ этотъ пунктъ, такъ и всѣ постановленія секціи по вопросу о фальсификаціи вина. Противъ такого предложенія горячо возражалъ представитель министерства финансовъ *И. Р. Миниловъ*, заявлявшій, что вопросъ о мѣрахъ борьбы съ фальсификаціей винограднаго вина, возбужденный уже 10 лѣтъ тому назадъ, остается до сихъ поръ нерѣшеннымъ, потому что министерству остается неизвѣстнымъ мнѣніе по этому вопросу виноградарей и винодѣловъ. Предложеніе проф. Голубева поддерживалъ *М. В. Неручевъ*, находившій, что съѣздъ въ теченіе десяти дней не могъ обстоятельно разработать сложнаго вопроса о борьбѣ съ фальсификаціей. Кн. *Л. С. Голицынъ* также присоединился къ этому мнѣнію, предложивъ только съѣзду въ помощь московскому комитету избрать изъ своей среды коммиссію. Предсѣдатель секціи *В. К. Винбергъ* настаивалъ на томъ, чтобы положенія секціи были расмотрѣны и съѣздъ высказалъ по нимъ опредѣленное мнѣніе, которымъ могъ бы руководиться московскій комитетъ при детальной разработкѣ общихъ постановленій съѣзда. *В. Н. Мартыновъ* доказывалъ, что если теперь съѣздъ не выскажется, что слѣдуетъ понимать подъ „винограднымъ виномъ“, то всѣ работы его сведутся къ нулю, такъ какъ первая мѣра для борьбы съ фальсификаціей винограднаго вина, это—установленіе строгаго опредѣленія понятія, что такое „виноградное вино“. *Кн. П. Н. Трубецкой* довелъ до свѣдѣнія собранія заявленіе отъ нѣсколькихъ членовъ съѣзда, что секція, въ которой большинство членовъ состояло изъ представителей крымскаго винодѣлія, защищая интересы Крыма, игнорировала потребности и нужды другихъ винодѣльческихъ областей и особенно Бессарабіи, такъ что всѣ вопросы разрѣшены въ секціи въ интересахъ крымскаго винодѣлія и представители бессарабскаго района должны были прекратить свое участіе въ занятіяхъ секціи. Заявленіе подписали: представитель аккерманскаго отдѣла Императорскаго Общества россійскаго садоводства, представитель аккерманскаго земства, делегатъ бессарабскаго Общества садоводства и г. Мангуби. Затѣмъ кн. *П. Н. Трубецкой*, касаясь предложенія проф. Голубева, доказывалъ, что съѣзду необходимо высказать хотя основныя положенія по этому вопросу, которыя комитетъ затѣмъ разработаетъ детально. Съѣздъ большинствомъ противъ 28-ми голосовъ принялъ второй пунктъ резолюцій секціи. Затѣмъ съѣздъ утвердилъ остальные, извѣстныя уже нашимъ читателямъ, резолюціи III секціи, и только постановленіе секціи по вопросу о напиткѣ „петіо“, приготовляемому изъ виноградныхъ выжимокъ по способу француза Petiot, было измѣнено съѣздомъ. Большинствомъ голосовъ съѣздъ постановилъ, что „петіо“ можетъ быть допущенъ въ продажѣ не иначе какъ подъ названіемъ искусственнаго спиртнаго напитка. Детальная разработка постановленій секціи и выработка законопроекта по вопросу о борьбѣ съ фальсификаціей поручены съѣздомъ московскому комитету совмѣстно съ избранной съѣздомъ коммиссіей и приглашаемыхъ ими представителей разныхъ винодѣльческихъ районовъ.

По окончаніи занятій съѣзда вице-президентъ московскаго Общества сельскаго хозяйства В. П. Глѣбовъ сказалъ краткую рѣчь, въ которой выразилъ благодарность распорядительному комитету, представителямъ министерствъ земледѣлія и финансовъ, различныхъ вѣдомствъ и учрежденій и винодѣламъ, прибывшимъ на съѣздъ, и высказалъ, что московское Общество сельскаго хозяйства окажетъ съ своей стороны полное содѣйствіе осуществленію постановленій съѣзда, и объявилъ всероссійскій съѣздъ виноградарей и винодѣловъ закрытымъ.

Театръ и музыка.

— „Валькирія“ Вагнера видимо нравится московской публикѣ больше „Зигфрида“ того же автора. Третье представленіе этой оперы, состоявшееся вчера въ Большомъ театрѣ, собрало полную залу публики и прошло съ значительнымъ и во всякомъ случаѣ не меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ первые два.

— Концертъ г. Сарасате и г-жи Марксъ-Гольдшмидтъ привлекъ въ прошлый вторникъ очень много публики въ Большую залу консерваторіи. И знаменитый скрипачъ, и піанистка имѣли выдающійся успѣхъ; но героемъ вечера былъ, конечно, г. Сарасате, увлекавшій слушателей и своею изумительной техникой, и, можетъ-быть, еще болѣе чарующею манерой, и красотой тона, съ которыми передаетъ кантилену. Игра г-жи Марксъ-Гольдшмидтъ элегантна и разнообразна въ примѣненіи внѣшнихъ, чисто звуковыхъ эффектовъ, но не захватываетъ ни серьезностью во фразировкѣ, ни глубиной концепціи. Техника, безъ сомнѣнія, первоклассная. При выборѣ пьесъ широко сказывался эклектицизмъ артистки: на-ряду съ Вахомъ (увертюра изъ 29-й кантаты) и Моцартомъ („Pastorale variée“) г-жа Марксъ-Гольдшмидтъ блеснула исполненіемъ рапсодій Листа (№№ 6 и 2) и штраусовскимъ опереточнымъ вальсомъ („Kusswalzer“) въ фортепіанномъ переложеніи Шюта. Капитальнымъ нумеромъ программы служила „Крейцерова соната“ Бетховена, которая была сыграна концертантомъ и концертанткой стройно, но нѣсколько холодно и сильнаго впечатлѣнія не произвела. Послѣ послѣднихъ пьесъ, исполненныхъ г. Сарасате, публика долго не могла успокоиться. Артистовъ вызывали нескончаемое число разъ и заставили еще много играть сверхъ программы.

— Въ пятницу, 22-го февраля, въ Большомъ театрѣ назначенъ бенефисъ кордебалета. Поставленъ будетъ балетъ „Конекъ-горбунокъ“ при участіи г-жи Рославлевой.

— Вчера, 20-го февраля, въ Императорскихъ театрахъ даны были безплатные денные спектакли для воспитанницъ и воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Поставлены были: въ Большомъ театрѣ—балетъ „Лебединное озеро“ съ г-жей Рославлевою въ главной роли, въ Маломъ—комедія „Ревизоръ“ и въ Новомъ—опера „Евгеній Онѣгинъ“. Спектакли прошли съ обычнымъ оживленіемъ. Юную публику въ антрактахъ угощали чаемъ, прохладительными напитками, фруктами, сластями и т. п.

— Общество распространенія національной музыки дало 19-го февраля въ Малой залѣ консерваторіи концертъ съ довольно разнообразною программой. Между прочими артистами приняли участіе: А. В. Святловская, теноръ С. Д. Барсуковъ, хоръ Ѳ. С. Саковича и инструменталисты. Публики было немного.

— Опереточная труппа, все время игравшая въ „Интернаціональномъ“ театрѣ съ хорошимъ матеріальнымъ успѣхомъ, заканчиваетъ свои гастроли бенефисами: въ пятницу—г-жи Легаръ („Гейша“), въ субботу — г. Тумашева („Прекрасная Елена“) и въ воскресенье—директора труппы С. Н. Новикова („Нашъ городъ“).

Иностранныя извѣстія.

ВѢНА, 13-го февраля (*Отъ нашего корреспондента*). Австрійскій рейхсратъ не только вернулся къ нормальной дѣятельности, какъ доказываетъ принятое имъ рѣшеніе приступить къ обсужденію бюджета (чего не было вотъ уже въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ), но благополучно покончилъ уже съ генеральными дебатами, служащими введеніемъ къ бюджету, и, приступивъ къ обсужденію отдѣльныхъ статей, согласился даже принять статью о „секретномъ фондѣ“, предоставляемомъ въ безконтрольное распоряженіе правительства. Въ послѣднемъ фактѣ нельзя не видѣть крупной моральной побѣды министерства Кёрбера. Практическаго значенія принятіе или отклоненіе этой статьи, правда, не имѣетъ, такъ какъ въ Австріи министерство не обязано выходить въ отставку, если парламентъ отказываетъ ему въ довѣріи. Тѣмъ менѣе сочло бы себя обязаннымъ выйти въ отставку министерство Кёрбера, которое является не парламентскимъ, считающимся все-таки и въ Австріи съ настроеніемъ парламента, а „чиновничьимъ“, т. е. выдвинутымъ не соотношеніемъ парламентскихъ силъ, а поставленнымъ волею короны. Отклоненіе „секретнаго“, или диспозиціоннаго, фонда, т. е. формальное выраженіе недовѣрія министерству Кёрбера, не имѣло бы такимъ образомъ никакихъ непосредственныхъ практическихъ результатовъ, какъ не имѣетъ такого значенія и принятіе этой статьи, такъ какъ оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться доказательствомъ того, что это министерство располагаетъ теперь въ парламентѣ обезпеченнымъ большинствомъ. Тѣмъ не менѣе за этою моральною побѣдой министерства нельзя не признать крупнаго симптоматическаго значенія для опредѣленія настроенія парламента. Этотъ парламентъ не въ состояніи выдѣлить сплоченнаго большинства, на которое правительство могло бы съ увѣренностью опереться; но большинство депутатовъ этого парламента весьма склонно поддержать министерство Кёрбера и его начинанія,—вотъ что сказано результатомъ голосованія статьи о диспозиціонномъ фондѣ. Смыслъ этого отвѣта парламента еще болѣе уясняется, если присмотрѣться ближе, какъ составилось большинство (въ 65 голосовъ) въ пользу этой статьи и что предшествовало голосованію этой статьи. Передъ голосованіемъ ея министръ-президентъ Кёрберъ счелъ необходимымъ обратиться къ парламенту съ рѣчью, въ которой выяснилъ отношеніе министерства къ этому вопросу. Рѣчь эта была собственно формальною постановкой вопроса о довѣріи, такъ какъ Кёрберъ не захотѣлъ, подобно предшествовавшимъ министрамъ, добиться принятія этой статьи замаскировываніемъ истиннаго смысла ея и аргументаціей въ томъ смыслѣ, что на эту-де сумму должно смотрѣть такъ же, какъ на всякую другую, необходимую правительству для правильнаго веденія дѣлъ. Кёрберъ, наоборотъ, прямо говоритъ, что при обсужденіи этой статьи „парламентъ долженъ принять въ соображеніе трудныя задачи, предстоящія правительству въ ближайшемъ будущемъ, и поставить его въ удобное положеніе для веденія переговоровъ съ иностранными правительствами“.

Эти слова должны служить намекомъ на предстоящіе переговоры о торговомъ соглашеніи съ Венгріей, при которыхъ правительству необходимо имѣть возможность указывать на себя какъ на выразителя воли парламента, т. е. облеченнаго довѣріемъ парламента. Но Кёрберъ не ограничивается и этимъ и заявляетъ, что принятіе статьи о диспозиціонномъ фондѣ будетъ своего рода выраженіемъ мнѣнія парламента объ „искреннемъ стремленіи правительства при помощи самыхъ лояльныхъ мѣръ устранить огромныя затрудненія внутренней политики, препятствующія развитію страны“. Кёрберъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что онъ этимъ требованіемъ выраженія довѣрія ставитъ почти всѣ парламентскія партіи въ очень затруднительное положеніе. Всего за день до постановки вопроса о довѣріи закончились генеральные дебаты, во время которыхъ ораторы всѣхъ партій подвергали рѣзкой критикѣ общую политику правительства. Одинъ за другимъ поднимались представители нѣмцевъ, чеховъ, итальянцевъ, русиновъ, словенцевъ и др., чтобы заявить, что они не питаютъ довѣрія къ политикѣ министерства Кёрбера, не имѣютъ основанія вѣрить, что это министерство готово исполнить ихъ справедливыя требованія. Большинство ораторовъ заканчивали свои рѣчи заявленіемъ, что на основаніи всего этого „они будутъ вотировать противъ бюджета“, и только польскіе представители и представители нѣкоторыхъ нѣмецкихъ группъ заявляли, что, несмотря на свое недовольство, они все-таки будутъ вотировать въ пользу бюджета, къ чему нѣмцы прибавляли, что считаютъ министерство Кёрбера лучшимъ, чѣмъ предшествовавшія. Но требованіе вотума довѣрія ставило въ затруднительное положеніе даже тѣ группы, которыя соглашались вотировать бюджетъ. Послѣднее можно еще объяснять указаніемъ на государственныя соображенія; вотировать же довѣріе значило бы признать направленіе правительства Кёрбера. А этого не хотятъ даже нѣмецкія группы, которыя, хотя и довольны въ общемъ политикой этого министерства, однако не желаютъ себя связывать и оставляютъ себѣ свободу дѣйствій, чтобы перейти въ оппозицію, какъ только министерство сдѣлаетъ какой-нибудь неугодный имъ шагъ навстрѣчу чехамъ. Но и отказать въ довѣріи этому министерству нѣмцы считали неудобнымъ. Въ виду всего этого вотированіе этой статьи было обставлено такъ, что ни одна изъ оппозиціонныхъ фракцій не вотировала въ полномъ составѣ за эту статью, но въ то же время разрѣшила отдѣльнымъ своимъ членамъ подать за нее голоса, какъ выраженіе личнаго мнѣнія. Но такъ какъ извѣстно было, что противъ статьи будутъ вотировать чехи, итальянцы, словенцы, русины, соціалъ-демократическая группа, и что при этомъ могло бы оказаться слишкомъ много голосовъ противъ этой статьи, то многіе совсѣмъ воздержались отъ голосованія. Даже часть пангерманской, т. е. наиболѣе непримиримой, партіи покинула въ моментъ голосованія залу, чтобы не быть вынужденною увеличить собою число противниковъ; покинула залу также часть нѣмецко-прогрессивной и нѣмецко-народной партій, а оставшіеся въ залѣ члены этихъ партій вотировали большею частью за эту статью. Въ полномъ составѣ высказались за нее нѣмецко-католическая, польская, христіанско-соціальная, конституціонная партія крупнаго землевладѣнія, часть феодаловъ, часть нѣмецко-прогрессивной, румыны и два словенца. Но даже изъ чешскихъ депутатовъ нѣкоторые покинули на это время залу и не подали своихъ голосовъ противъ статьи. При помощи этой искусственной комбинаціи и удалось доставить министерству большинство. И именно это стремленіе создать во что бы то ни стало такую комбинацію доказываетъ, что почти весь парламентъ готовъ поддержать усилія Кёрбера въ смыслѣ умиротворенія національныхъ страстей и что парламентъ какъ бы самъ доволенъ тѣмъ, что послѣ пяти лѣтъ неурядицъ нашелся искусный министръ, сумѣвшій вернуть народное представительство къ нормальной дѣятельности. Но это миролюбивое настроеніе парламента вызвано только выжидательнымъ положеніемъ, которое заняли всѣ партіи, и не можетъ считаться окончательнымъ оздоровленіемъ парламентской атмосферы. Кризисъ изъ явнаго сдѣлался скрытымъ, и если Кёрберъ не сумѣетъ использовать это настроеніе для полнаго устраненія кризиса при помощи устроенія мира между чехами и нѣмцами, то болѣзнь можетъ вернуться и, можетъ-быть, въ еще болѣе опасной формѣ.

П. З—чъ.

АНГЛІЯ. 15-го февраля ирландскій депутатъ Диллонъ предложилъ въ палатѣ сократить на 100 фунтовъ жалованье министру по дѣламъ Ирландіи, чтобы обратить вниманіе парламента на тяжелое положеніе этой страны.

Ораторъ обвинялъ правительство въ томъ, что оно безъ достаточныхъ основаній примѣняетъ въ Ирландіи исключительный законъ 1887 г. и прибѣгаетъ „къ политикѣ насилія и провокаціи“. Онъ жаловался, что полиція грубо разгоняетъ законные митинги и что правительство подавляетъ свободу слова въ Ирландіи. По его словамъ, число аграрныхъ преступленій въ Ирландіи уменьшилось за послѣднее время и приписывалъ это обстоятельство сдерживающему вліянію соединенной ирландской лиги. Поэтому воздвигнутое правительствомъ гоненіе противъ членовъ лиги ничѣмъ не оправдывается, и недавнее осужденіе нѣсколькихъ ирландскихъ депутатовъ, состоявшихъ членами лиги, осуждается почти всѣми ирландцами, какъ беззаконіе. Въ заключеніе Диллонъ предостерегалъ правительство, что политика насилія и репрессіи неминуемо повлечетъ за собой образованіе тайныхъ обществъ съ преступными цѣлями и что само правительство будетъ виновато въ этомъ. Къ Диллону присоединился Россель, доказывавшій, что правительство само толкаетъ ирландцевъ на путь безпорядковъ. За болѣзнью министра по дѣламъ Ирландіи Уиндгэма отъ имени правительства отвѣчалъ ирландскій атторней-генералъ. Онъ старался доказать, что исключительныя мѣры, принимаемыя правительствомъ, вызываются необходимостью и что истиннымъ виновникомъ является ирландская лига, подстрекающая фермеровъ къ бойкоту. Что касается жалобъ на полицію, то возможно, конечно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она дѣйствовала незаконно, но для пострадавшихъ всегда открытъ путь обращенія къ суду. Послѣ этого слово перешло къ Джону Морлею. Онъ доказывалъ, что заключеніе въ тюрьму ирландскихъ депутатовъ по обвиненію въ неразрѣшенныхъ сборищахъ незаконно. Попытки генералаатторнея свалить вину на отдѣльныхъ полицейскихъ служитъ плохимъ оправданіемъ для правительства: полицейскіе не позволили бы себѣ грубо обращаться съ толпой, если бы не были увѣрены, что правительство на ихъ сторонѣ. „Ирландія,—сказалъ въ заключеніе Морлей,—волнуется потому, что ею управляютъ съ помощью исключительныхъ мѣръ, и это броженіе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока правительство не откажется отъ политики репрессій“.

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ голосованіи предложеніе Диллона было отвергнуто большинствомъ 184-хъ противъ 96-ти голосовъ.

— На-дняхъ состоялось первое собраніе слѣдственной коммиссіи, назначенной военнымъ министерствомъ для разслѣдованія дѣла о поставкѣ лошадей для британской арміи въ Южной Африкѣ. Засѣданія будутъ вестись при закрытыхъ дверяхъ, но военный министръ Бродрикъ обѣщалъ опубликовать докладъ, въ которомъ будутъ изложены in extenso всѣ свидѣтельскія показанія.

ФРАНЦІЯ. Во французскихъ газетахъ изложена рѣчь Вальдека-Руссо на банкетѣ подгородной прессы.

„Характерною чертой нынѣшняго времени,—сказалъ онъ,—служитъ то, что теперь всѣ стараются выдать себя за республиканцевъ. Мнѣ показалось любопытнымъ сопоставить цифры, касающіяся выборовъ 1893 и 1898 гг., и я констатировалъ, что въ 1893 г. количество кандидатовъ, заявившихъ себя противниками республики, монархистами, имперіалистами, равнялось 351; въ 1898 г. ихъ было уже только 191; теперь, въ 1902 г., я тщетно смотрю вокругъ себя и изучаю избирательную карту Франціи. При всемъ желаніи нельзя открыть болѣе трехъ дюжинъ противниковъ республики (*Смѣхъ и рукоплесканія*). За-то теперь появились консервативные республиканцы, независимые республиканцы, республиканцы-націоналисты, и я не сомнѣваюсь, что скоро появятся и республиканцы-монархисты и республиканцы-имперіалисты и даже, быть-можетъ, республиканцы-цезаристы (*Смѣхъ*). Очевидно, настало время, когда извѣстныя мнѣнія могутъ высказываться только подъ прикрытіемъ маски. Но страна приподниметъ эту маску (*Одобреніе*). Всеобщее голосованіе любопытно... Въ лагерѣ нашихъ противниковъ кипитъ дѣятельность. Особенно дѣятельно собираются деньги (*Смѣхъ*). Реакціонеры недавно сдѣлали великое открытіе, а именно, что если Франція не завоевана ими, такъ это потому, что ей не заплатили достаточно (*Волненіе*). Ну, что-жь, вся Франція путемъ всеобщаго голосованія отвѣтитъ имъ, что она не продается“ (*Рукоплесканія*).

Въ заключеніе Вальдекъ провозгласилъ тостъ за республиканскую печать и за республиканскихъ депутатовъ, которые выйдутъ побѣдителями на предстоящихъ выборахъ. Собраніе устроило министру-президенту шумную овацію при крикахъ: „Да здравствуетъ Вальдекъ-Руссо!“ „Да здравствуетъ республика!“

— *Liberté* увѣряетъ, что въ кулуарахъ палаты циркулируютъ слухи о предстоящей отставкѣ министра юстиціи Мониса, который будетъ замѣненъ Леономъ Буржуа.

АВСТРО-ВЕНГРІЯ. Несмотря на безостановочное обсужденіе бюджета, ходятъ слухи, что Кёрберъ вскорѣ потребуетъ двухмѣсячнаго временнаго бюджета, такъ какъ срокъ дѣйствующаго теперь временнаго бюджета истекаетъ въ срединѣ марта. Пасхальныя каникулы на три недѣли прервутъ парламентскія работы, вслѣдствіе чего Кёрберъ думаетъ продлить весеннюю сессію рейхсрата послѣ Пасхи. А такъ какъ весной необходимо еще найти время для созыва делегацій, то, вѣроятно, Кёрберъ совершенно не намѣренъ созывать въ этомъ году весеннюю сессію богемскаго сейма. Соглашеніе съ Венгріей относится на осень. Противъ этого едва ли можно предвидѣть возраженія со стороны рейхсрата, но намѣреніе Кёрбера не созывать этою весною богемскаго сейма будетъ, вѣроятно, оспариваемо чехами.

Н. В. Гоголь.

Изъ юбилейной литературы.

Издающійся съ прошлаго года очень интересный журналъ русскаго библіографическаго Общества въ Петербургѣ—*Литературный Вѣстникъ* — посвятилъ свою первую книжку нынѣшняго года цѣликомъ Гоголю. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе неизданное письмо Гоголя, напечатанное по автографу, принадлежащему къ собранію П. Я. Дашкова. Редакція журнала не высказала никакихъ догадокъ, къ кому и когда это письмо писано, а между тѣмъ оно интересно по своему содержанію. Гоголь начинаетъ такимъ обращеніемъ: „Адресую мое письмо къ вамъ, какъ къ члену того просвѣщеннаго и высшаго круга, который составляетъ честь и гордость Москвы“... Въ самомъ письмѣ говорится про то, что Гоголь уѣхалъ изъ театра, когда публика намѣревалась ему устроить овацію. Гоголь проситъ своего корреспондента передать всѣмъ, кому можно, его извиненія: онъ былъ очень разстроенъ „потрясшимъ его ударомъ несчастій въ его отношеніяхъ семейныхъ“ и не могъ выдержать шумной и радостной толпы; онъ противополагалъ предстоявшее ему публичное торжество тому горю, какое терпятъ существа ему близкія... Неизвѣстно, о какихъ именно несчастіяхъ здѣсь идетъ рѣчь. Можно думать, что письмо относится къ 1839 или 1840 г., когда Гоголь пріѣхалъ въ Москву въ первый разъ послѣ своего бѣгства за границу изъ-за шума, поднятаго первымъ представленіемъ „Ревизора“ въ 1836 году. Очевидно, что Гоголь былъ на представленіи „Ревизора“ въ Москвѣ и неожиданно скрылся изъ театра, когда публика ему готовила овацію. Особыхъ несчастій въ семьѣ Гоголя не было, но ему въ это время не удались нѣкоторые его денежные разсчеты, и онъ былъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, озабоченный устройствомъ судьбы своихъ сестеръ, только-что окончившихъ курсъ въ институтѣ. Быть-можетъ, письмо это написано къ тогдашнему директору театровъ Загоскину.

Есть разсказъ С. Т. Аксакова о подобномъ же бѣгствѣ Гоголя изъ театра въ Москвѣ, когда онъ замѣтилъ, что публика узнала его и стала обращать на него вниманіе. Но этотъ случай относится къ 1834 г., когда Гоголь еще не выступалъ со своими пьесами на сцену. Любопытно сопоставить эти два случая бѣгства отъ выраженія публичнаго вниманія въ театрѣ съ мечтами Гоголя, когда онъ только-что принимался за свои драматическія созданія: „передо мною движется сцена, *шумитъ апплодисментъ*“..

Въ *Литературномъ Вѣстникѣ* любопытна еще статья П. Е. Щеголева (мы недавно говорили о статьяхъ того же автора въ *Историческомъ Вѣстникѣ*) „Къ біографіи Н. В. Гоголя“. Статья основана на нѣкоторомъ новомъ матеріалѣ, разбираетъ „вопросъ о первыхъ вліяніяхъ“, сообщаетъ письма разныхъ лицъ къ матери Гоголя и ея письмо къ сыну. Въ первой части статьи говорится о вліяніи на Гоголя его родителей. Новые документы представляются любопытными, касаясь той или другой подробности въ біографіи Гоголя.

Изъ другихъ статей *Литературнаго Вѣстника* назовемъ: обстоятельный очеркъ В. А. Лугаковскаго „Гоголь въ польской литературѣ“, А. И. Лященко „Объ отношеніяхъ Гоголя къ католичеству“ (это тѣ же матеріалы, на которыхъ основана статья проф. Кочубинскаго въ *Вѣстникѣ Европы*,—мы раньше говорили уже о ней), а также любопытную замѣтку Б. Л. Модзалевскаго „Гоголь и Великопольскій“ (на основаніи неизданныхъ писемъ Аксакова; дѣло идетъ о помощи, которую оказалъ Великопольскій Гоголю; позднѣе, когда Великопольскій совершенно разорился, мать Гоголя черезъ Аксакова уплатила Великопольскому долгъ своего сына) и В. В. Каллаша „Мелкія замѣтки о Гоголѣ“.

Много мѣста въ *Литературномъ Вѣстникѣ* отведено отзывамъ Кулиша объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя. Мы имѣемъ здѣсь спеціальную статью объ этомъ Н. И. Коробки и письмо самого Кулиша къ матери Гоголя; кромѣ того журналъ напечаталъ какъ самый отзывъ Кулиша, такъ и возраженія на него Максимовича.

Литературный Вѣстникъ перепечаталъ еще нѣкоторые матеріалы о Гоголѣ, помѣстилъ библіографическія указанія и по изданіямъ Гоголя, и по матеріаламъ о немъ, и по иллюстраціямъ къ его сочиненіямъ. И библіографическій отдѣлъ журнала посвященъ книгамъ о Гоголѣ. Къ журналу приложенъ удовлетворительно исполненный автотипіей портретъ Гоголя съ Моллера (менѣе распространеннаго типа).

Вѣстникъ Воспитанія далъ двѣ статьи о Гоголѣ въ своей февральской книжкѣ. Одна изъ нихъ принадлежитъ перу проф. Овсянико-Куликовскаго. Это—широко задуманный очеркъ, первая глава котораго,—она пока только и напечатана,—озаглавлена: «„Пушкинское“ и „Гоголевское“ — художественный методъ Гоголя». Авторъ беретъ себѣ основнымъ пріемомъ изслѣдованія сравненіе Гоголя съ Пушкинымъ и замѣчаетъ: „Намъ кажется, что сопоставленіе этихъ двухъ художественныхъ геніевъ, столь важное въ историко-литературномъ изслѣдованіи, можетъ оказаться плодотворнымъ и въ опытѣ психологическаго изученія натуры и творчества Гоголя“. Авторъ указываетъ затѣмъ на то, что въ натурѣ Гоголя для насъ только одно не подлежитъ спору, это—его великій художественный геній, который ставитъ его въ ряды величайшихъ дѣятелей всемірной литературы; все остальное для насъ въ Гоголѣ темно, полно противорѣчій и неясностей. „Сопоставленіе этой замкнутой, противорѣчивой и неуравновѣшенной натуры съ открытою гармоничною и уравновѣшенною натурой Пушкина“ можетъ пролить свѣтъ „на проблему психологіи Гоголя и его творчества“. Если выразить положеніе автора вкратцѣ, Пушкинъ былъ поэтомъ-наблюдателемъ, отражавшимъ окружающій міръ въ цѣломъ его видѣ, всесторонне; Гоголь былъ не наблюдатель, а экспериментаторъ, производившій изученія свои въ опредѣленномъ направленіи, старавшійся дѣлать извѣстные опыты и надъ собой, и надъ другими. Рядомъ указаній и цитатъ характеризуетъ авторъ манеру Гоголя по добыванію для себя матеріаловъ, его способъ ставить себя и другихъ въ извѣстное положеніе, для „опыта“. Подборъ указаній, даваемый авторомъ, представляется интереснымъ, но авторъ, какъ намъ кажется, иногда слишкомъ опредѣленно и буквально понимаетъ слова самого Гоголя, не принимая во вниманіе характерной для него неискренности, характернаго для него скрыванія своихъ мыслей. Въ слѣдующей главѣ авторъ обѣщаетъ заняться умомъ Гоголя: это—„умъ огромный, но темный“, по опредѣленію автора, который и обѣщаетъ сопоставить умъ Гоголя съ умомъ Пушкина, тоже „огромнымъ, но яснымъ“.

Въ томъ же журналѣ напечатана еще другая статья о Гоголѣ, именно „Сочиненія Гоголя въ деревнѣ“ А. Левитскаго. Статья эта основана на практикѣ сельскаго учителя, который давалъ читать сочиненія Гоголя какъ школьникамъ, такъ и взрослымъ читателямъ, самъ читалъ и разбиралъ Гоголя въ школѣ, читалъ его и на народныхъ чтеніяхъ съ свѣтовыми картинами. Сначала г. Левитскій затруднялся давать своимъ ученикамъ фантастическіе разсказы Гоголя, боясь какъ бы это чтеніе не послужило къ укрѣпленію суевѣрій. Но когда онъ попробовалъ читать эти разсказы и давать ихъ для чтенія, онъ скоро убѣдился, что опасенія его были неосновательны. Въ противность его ожиданіямъ, разсказы Гоголя не увлекали читателей своею фантастическою стороной, а подчиняли ихъ себѣ общею реальностью своего содержанія. Оказалось, что читатели умѣли вывести изъ разсказовъ Гоголя доводы и основанія для извѣстнаго опроверженія мѣстныхъ суевѣрій, для насмѣшки надъ ними. Учитель сталъ давать смѣлѣе и смѣлѣе повѣсти Гоголя, и скоро онѣ сдѣлались любимымъ чтеніемъ: отдѣльная повѣсть бралась одними и тѣми же читателями по нѣскольку разъ, чего не удостоивалась ни одна изъ книгъ, спеціально написанныхъ для народа. «Одинъ мальчикъ даже пріобрѣлъ такую славу чтеніемъ повѣстей Гоголя, что по протекціи сестеръ-дѣвушекъ, слыхавшихъ дома его чтеніе, молодежь стала его приглашать на „вечерницы“ почитать громко „Ночь предъ Рождествомъ“, „Утопленицу“ или „Сорочинскую ярмарку“». При этомъ чтецъ дѣлалъ поясненія, въ родѣ тѣхъ, что дѣлались въ школѣ. Послѣ такого чтенія „надолго завязывалась оживленная веселая бесѣда, гдѣ съ комической стороны разбирались различныя мѣстныя суевѣрныя розсказни“. Въ конечномъ выводѣ г. Левитскій находитъ, что фантастическія произведенія Гоголя „могутъ быть причислены къ лучшему матеріалу для сельскихъ библіотекъ какъ по художественнымъ достоинствамъ, такъ и по идейному содержанію, которое дастъ много поводовъ для бесѣдъ, разрушающихъ суевѣрія... Вѣдь о суевѣріяхъ нигдѣ почти въ повѣстяхъ не говорится серьезно. Не есть ли это самое вѣрное средство противъ суевѣрій, даже прочно вкоренившихся, — осмѣять ихъ, осмѣять безпощадно и притомъ такъ заразительно, какъ это дѣлаетъ Гоголь?“ Не останавливаемся на разсказѣ г. Левитскаго о томъ, какъ понимались и оцѣнивались другія художественныя произведенія Гоголя читателями народной библіотеки и слушателями народныхъ чтеній: авторъ счи-

---

лиза того вліянія, которое авторъ „Мертвыхъ душъ“ оказалъ на русскую литературу и русскихъ читателей. Чернышевскій называетъ Гоголя „безъ всякаго сравненія величайшимъ изъ русскихъ писателей по значенію“. Придавая литературѣ огромное значеніе, заявляя, что „она неизмѣримо важнѣе почти всего, что ставится выше ея“ („Байронъ въ исторіи человѣчества—лицо едва ли не болѣе важное, нежели Наполеонъ“), Чернышевскій говоритъ, что „давно уже не было въ мірѣ писателя, который былъ бы такъ важенъ для своего народа, какъ Гоголь для Россіи“. Слѣдовъ его вліянія много; они проявляются и непосредственно въ литературной области, въ характерѣ и направленіи творчества, и въ сознаніи общества, въ его отношеніи къ дѣйствительности. Въ чисто литературномъ отношеніи Гоголь былъ отцомъ русской прозы. Повторяя эти слова Бѣлинскаго, Чернышевскій подтверждаетъ ихъ какъ указаніемъ на то, что образцы пушкинской прозы появились по времени позднѣе гоголевскихъ произведеній, такъ и отсутствіемъ школы писателей, которыхъ было бы можно назвать послѣдователями Пушкина, какъ прозаика. Гоголь не только создалъ русскую прозу, но быстро доставилъ ей перевѣсъ надъ поэзіей,—„перевѣсъ,—добавляетъ Чернышевскій,—сохраняемый ею до сихъ поръ“. Теперь, черезъ сорокъ съ лишнимъ лѣтъ послѣ появленія статей Чернышевскаго, мы не только можемъ повторить, что перевѣсъ прозы надъ поэзіей сохраняется, но съ трудомъ представляемъ себѣ время, когда проза играла подчиненную роль.

Вторую заслугу Гоголя Чернышевскій видитъ въ прочномъ введеніи въ русскую изящную литературу „сатирическаго или, какъ справедливѣе будетъ назвать его, критическаго направленія“. Поясняя далѣе, что надо подразумѣвать подъ этими словами, Чернышевскій говоритъ:

„Критическое направленіе при подробномъ изученіи и воспроизведеніи явленій жизни проникнуто сознаніемъ о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи изученныхъ явленій съ нормою разума и благороднаго чувства“.

„Норма разума и благороднаго чувства“, какъ критерій наблюдаемыхъ явленій,—другими словами, постоянное моральное безпокойство писателя,—таково одно изъ главныхъ наслѣдій Гоголя, доставшихся слѣдующимъ авторамъ. И необходимымъ слѣдствіемъ такого вліянія Гоголя явилась „самобытность“ русской литературы, исчезла въ лучшихъ образцахъ не только подражательность, но и та зависимость, въ которой находился, напримѣръ, „Онѣгинъ“ къ „Чайльдъ-Гарольду“, „Капитанская дочка“ къ романамъ Вальтеръ-Скотта. Гоголь сдѣлалъ то, что литературная личность нашихъ лучшихъ писателей не представляется „двойникомъ другаго писателя“:

„Повѣсти г. Гончарова, г. Григоровича, Л. Н. Т. (Толстого), г. Тургенева, комедіи г. Островскаго такъ же мало наводятъ насъ на мысль о заимствованіи, такъ же мало напоминаютъ намъ что-либо чужое, какъ романы Диккенса, Теккерея, Жоржъ-Занда“.

Но величайшей „истинной“ заслугой Гоголя, „важность которой не зависитъ отъ того, первымъ или десятымъ изъ нашихъ великихъ писателей должны мы считать его въ хронологическомъ порядкѣ“, было, по мнѣнію Чернышевскаго, то, что „онъ пробудилъ въ насъ сознаніе о насъ самихъ“. И эта заслуга Гоголя опредѣляется оцѣнкою не однихъ его произведеній, но и всей созданной имъ школы, „единственной школы, которою можетъ гордиться русская литература“. „Вся наша литература, насколько она образовалась подъ вліяніемъ нечужеземныхъ писателей, примыкаетъ къ Гоголю“.

Таково было сужденіе нашихъ лучшихъ критиковъ, писавшихъ о Гоголѣ при жизни его и вскорѣ послѣ смерти. Вліяніе „Вечеровъ на хуторѣ“, „Ревизора“, „Мертвыхъ душъ“ было настолько велико, что для критиковъ была ясна связь между этими произведеніями и творчествомъ молодыхъ писателей, составлявшихъ надежду того времени и гордость послѣдующей эпохи. „Двадцать лѣтъ,—говоритъ Чернышевскій,—прошло со времени появленія „Ревизора“, двадцать пять лѣтъ—съ появленія „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“, а „въ нашей литературѣ до сихъ поръ продолжается гоголевскій періодъ“ и „отличительныя свойства новаго направленія, которое возникнетъ изъ гоголевскаго“, намѣчаются еще слабо и нерѣшительно. А въ дальнѣйшемъ изложеніи критикъ упоминаетъ имена Гончарова, Григоровича, Толстого, Тургенева, устанавливая такимъ образомъ явную преемственную связь между ихъ творчествомъ и дѣятельностью Гоголя. И это свидѣтельство современниковъ имѣетъ огромное значеніе для оцѣнки дѣйствительнаго мѣста, занимаемаго Гоголемъ въ нашей литературѣ. Конечно, современники нерѣдко ошибаются; судя съ своей временной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія интересовъ своей эпохи, они могутъ не видѣть задатковъ новой жизни, начинающей только показываться, и придаютъ слишкомъ большое значеніе тому, что съ измѣненіемъ условій неизбѣжно должно погибнуть. Само собою разумѣется, что они могли преувеличить значеніе Гоголя, но сдѣлать это они могли лишь при оцѣнкѣ произведеній самого писателя; въ установленіи же связи между его дѣятельностью и произведеніями авторовъ, писавшихъ вслѣдъ за нимъ, они, пожалуй, были болѣе компетентны, чѣмъ критики, отдѣленные отъ той эпохи десятками лѣтъ. Въ этомъ отношеніи необыкновенно интересны сопоставленія мнѣній, высказывавшихся въ разное время Бѣлинскимъ о нашей литературѣ,—сопоставленія, дѣлаемыя Чернышевскимъ въ началѣ статьи о знаменитомъ критикѣ.

1834 г. (*До Гоголя*). „У насъ нѣтъ литературы“. 1840 г. (*Гоголь издалъ свои повѣсти и „Ревизора“, но еще не имѣетъ рѣшительнаго вліянія на литературу*). „У насъ нѣтъ литературы въ точномъ значеніи этого слова, какъ выраженія духа и жизни народной, но у насъ есть уже начало литературы“. 1843 г. (*Изданы „Мертвыя души“; школа Гоголя начинаетъ занимать видное мѣсто*). „Несмотря на бѣдность нашей литературы, въ ней есть жизненное движеніе и органическое развитіе“. 1847 г. (*Вліяніе Гоголя рѣшительно торжествуетъ*). Литература наша дошла до такого положенія, что успѣхи ея въ будущемъ, ея движеніе впередъ зависятъ больше отъ объема и количества предметовъ, доступныхъ ея завѣдыванію, нежели отъ нея самой... Если она еще не достигла своей зрѣлости, то уже нашла, нащупала, такъ сказать, прямую дорогу къ ней“, и т. д.

Эти выдержки представляются драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ того, какъ оживилась наша литература подъ вліяніемъ Гоголя; изъ нихъ мы узнаемъ, что Гоголь, а не кто другой имѣлъ значеніе иниціатора новой русской литературы, которой потомъ было суждено развиваться и крѣпнуть въ указанномъ имъ направленіи. Въ этихъ выдержкахъ нельзя уже предполагать предвзятаго, увлекающагося и, можетъ-быть, ошибочнаго взгляда на самого Гоголя: критикъ послѣдовательно черезъ длинные ряды лѣтъ констатируетъ продолжающееся оживленіе нашей литературы, и это оживленіе совпадаетъ со временемъ все большаго и большаго ознакомленія публики съ произведеніями Гоголя. Конечно, одинаковыя причины могли породить и одинаковыя послѣдствія: нароставшая въ обществѣ потребность въ знакомствѣ съ дѣйствительною жизнью, съ темными сторонами нашего общества и человѣческой души создала Гоголя и дала возможность другимъ писателямъ проникнуться тѣми сторонами его творчества, которыя наиболѣе отвѣчали назрѣвшей общественной потребности, но этимъ именно и опредѣляется мѣсто Гоголя въ нашей современной литературѣ. Это—мѣсто иниціатора, основателя новой литературы, которая своимъ развитіемъ и европейскимъ значеніемъ обязана именно Гоголю.

Далеко не вся критика раздѣляетъ однако, взглядъ на значеніе автора „Мертвыхъ душъ“. Достаточно вспомнить, напримѣръ, извѣстную рѣчь Достоевскаго на пушкинскомъ праздествѣ, чтобы видѣть, какъ все, что приписываетъ Чернышевскій Гоголю, считается дѣломъ его знаменитаго предшественника. Пушкинъ создалъ самобытную русскую литературу; онъ первый увидѣлъ и изобразилъ основные русскіе типы: типъ скитальца и типъ истинной русской женщины; ему обязана наша литература всѣмъ послѣдующимъ своимъ развитіемъ; его самого и его типы находимъ мы въ началѣ всякаго выдающагося литературнаго явленія, послѣдовавшаго за „Евгеніемъ Онѣгинымъ“, „Цыганами“ и другими поэмами Пушкина. Авторъ этихъ произведеній создалъ все, что такъ близко и такъ понятно русскому сердцу; онъ первый изобразилъ ту рознь, которая существуетъ между стремленіями русскаго интеллигента и взглядами народа: онъ постигъ истинныя стремленія души русскаго человѣка, его духовный голодъ, его всечеловѣчность и т. д. Таково приблизительно значеніе Пушкина для нашей литературы, по мнѣнію Достоевскаго. Если вся эта работа была сдѣлана творцомъ „Евгенія Онѣгина“ и „Цыганъ“, то что осталось на долю Гоголя? О какой иниціативѣ, о созданіи какой школы можетъ идти рѣчь?

Не менѣе рѣшительно высказывается и г. Скабичевскій.

„Если мы постараемся уяснить себѣ болѣе точно и опредѣленно, чѣмъ же собственно писатели сороковыхъ годовъ и послѣдующихъ были обязаны Гоголю, то мы должны будемъ придти къ заключенію, что вліяніе Гоголя на послѣдующую литературу далеко не было такимъ всеобъемлющимъ, какъ мы привыкли думать“.

По мнѣнію г. Скабичевскаго, Гоголь не былъ однимъ „изъ тѣхъ новаторовъ, которые вводятъ нѣчто совершенно до нихъ небывалое“. Стремленіе къ воспроизведенію дѣйствительности существовало давно, и Гоголь, осмѣивая „съ геніальной мѣткостью“ всю пошлость и грязь тогдашней Россіи, „повиновался лишь общему теченію развитія современной ему литературы и представляетъ одну изъ ступеней ея спуска изъ заоблачныхъ высотъ на почву дѣйствительности“. Критикъ поражается отсутствіемъ какихъ-либо сознательныхъ идеаловъ, во имя которыхъ осмѣивалась дѣйствительность. И этимъ отсутствіемъ роется огромная пропасть между Гоголемъ и послѣдующими писателями, отношеніе которыхъ къ русской дѣйствительности не носитъ подобнаго характера художественной безцѣльности: они анализируютъ жизнь на основаніи вполнѣ сознательныхъ и опредѣленныхъ идеаловъ. Такимъ образомъ „Гоголь не начинаетъ новаго періода нашей литературы, а завершаетъ старый“.

Замѣчательно, что г. Скабичевскій сходится въ констатированіи недостатковъ Гоголя съ нѣкоторыми упреками Бѣлинскаго по адресу знаменитаго писателя, а въ опредѣленіи основнаго характера новой литературы—съ Чернышевскимъ, и тѣмъ не менѣе выводы ихъ различны. Какъ мы видѣли, въ своемъ отвѣтѣ Константину Аксакову Бѣлинскій указывалъ на чрезмѣрную „непосредственность творчества“ Гоголя въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ,—непосредственность, „отводящую ему глаза отъ идей и нравственныхъ вопросовъ“. Но это не мѣшало Бѣлинскому видѣть въ лучшей части гоголевскаго творчества нѣчто способствующее выработкѣ сознательныхъ идеаловъ и ведущее къ такой художественной дѣятельности, передъ которой виднѣется ясная цѣль. Съ Чернышевскимъ г. Скабичевскій сходится въ опредѣленіи основной черты послѣдующаго литературнаго движенія; онъ говоритъ о „сознательныхъ и опредѣленныхъ идеалахъ“, Чернышевскій, какъ мы видѣли, говоритъ о „нормѣ разума и благороднаго чувства“. Но въ то время какъ присутствіе этихъ сознательныхъ идеаловъ въ послѣдующихъ писателяхъ вырываетъ, по мнѣнію г. Скабичевскаго, между ними и Гоголемъ цѣлую пропасть, Чернышевскій видитъ въ Гоголѣ родоначальника того литературнаго движенія, которое приняло „норму разума и благороднаго чувства“ критеріемъ своего отношенія къ дѣйствительности...

И вотъ, перебирая эти различныя мнѣнія [2], къ какому изъ нихъ склонится современный читатель? Поставитъ ли онъ Гоголя во главѣ нынѣшней созидательной литературы, или въ концѣ прошлой, подготовительной, или, наконецъ, отведетъ ему мѣсто въ одномъ ряду съ другими послѣдователями Пушкина, истиннаго творца всего нашего литературнаго величія? Мы полагаемъ, что, не отрицая колоссальнаго значенія Пушкина для Россіи, читатель найдетъ между его творчествомъ и характеромъ литературной дѣятельности Гоголя такое различіе, которое во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ отличіе гоголевскихъ произведеній отъ появившихся вскорѣ послѣ нихъ литературныхъ образцовъ. И въ этомъ различіи видна самостоятельность иниціатора, основателя новаго движенія, главы новой школы. Онъ найдетъ, что если, какъ „натуралистъ“, Гоголь и является геніальнымъ продолжателемъ начавшагося раньше его движенія, то не въ этомъ одномъ заключается его главная заслуга; „Гоголь хотя бы полуинстинктивно является писателемъ соціальнымъ,— говоритъ г. Пыпинъ.—Нѣтъ нужды, что его теоретическое міровоззрѣніе оставалось неяснымъ; исторически отмѣченная черта подобныхъ геніальныхъ дарованій бываетъ та, что нерѣдко они, сами не отдавая себѣ отчета въ своемъ творчествѣ, являются глубокими выразителями стремленій своего времени и общества... Произведенія Гоголя именно совпали съ зарожденіемъ этого соціальнаго интереса, которому они сильно послужили и изъ котораго послѣ уже не выходила литература“. Этой чертой Гоголь не завершаетъ стараго, а открываетъ новый періодъ литературы; этой чертой онъ соединяется съ лучшими образцами русскаго художественнаго творчества, появившимися послѣ „Мертвыхъ душъ“ и „Ревизора“ и кромѣ русской публики завоевавшими себѣ западно-европейскихъ читателей [3].

И.

---

²) Мы не упоминаемъ о восторженныхъ сужденіяхъ о Гоголѣ, какъ объ авторѣ „Переписки“. Точно также мы оставляемъ въ сторонѣ мнѣнія нѣкоторыхъ критиковъ, будто новѣйшая литература „вся въ своемъ цѣломъ явилась отрицаніемъ Гоголя, борьбы противъ него“, будто у „мнимыхъ“ преемниковъ Гоголя „мы повсюду видимъ человѣческую душу“, тогда какъ Гоголь былъ только „геніальный живописецъ внѣшнихъ формъ“, и „никто не замѣтилъ, какъ за этими формами ничего въ сущности не скрывается, нѣтъ никакой души, нѣтъ того, кто бы носилъ ихъ“.

³) Самъ Гоголь не имѣетъ симпатій среди иностранныхъ читателей. Но и въ иностранной литературѣ мы находимъ критиковъ, видящихъ въ Гоголѣ отца современныхъ русскихъ писателей и призывающихъ своихъ соотечественниковъ къ ближайшему ознакомленію съ авторомъ „Мертвыхъ душъ“. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей Вогюэ говоритъ: „Баранья подчиненность престижу новизны, должно-быть, врождена людямъ, ибо, охотно читая блѣдныхъ подражателей Гоголя, наши соотечественники отказываются отъ знакомства съ самымъ оригинальнымъ художникомъ Россіи; тутъ ничего нельзя подѣлать: это—какъ бы предумышленное невѣжество“. Но Вогюэ не теряетъ надежды, что придетъ день, когда „Мертвыя души“ будутъ лежать въ библіотекѣ „всѣхъ честныхъ людей“ на-ряду съ другими классическими произведеніями всемірной литературы.